

Андрей БАРАНОВ

г. Москва

**Иллюзия
времени**

рассказы

Старый парк

Свежее осеннее утро. Ветер качает ветки деревьев, обрывая с них жёлтые листья. Временами накрапывает, но сильного дождя нет, поэтому можно спокойно гулять.

По липовой аллее прогуливается пожилой человек в шляпе и демисезонном плаще. Он идёт неспешным шагом, стараясь не ступить в лужи и почти не глядя по сторонам. Его взгляд как будто обращён внутрь себя.

Человека зовут Роман Анатольевич. Когда-то очень-очень давно, в другой жизни, когда каждое утро начиналось для него с бодрых пионерских маршей, он жил на Первой Парковой — совсем неподалёку. Тогда парк был для него целой планетой, полной тайн и поразительных открытий, которые поджидали за каждым поворотом аллеи. Они с мальчишками забирались в самые потаённые уголки парка, изучили его вдоль и поперёк. Сколько великих сражений разыгрывалось под этими дубами и липами! Сколько секретов хранят кусты сирени и можжевельника!

Казалось, детству не будет конца, но оно незаметно сменилось юностью, и парк перестал манить чудесами и испытывать страхами. Он превратился в место встреч и разброд. Жизнь переместилась к танцплощадке, где гремела музыка и кипели страсти, где закалялась дружба и завязывались первые неуклюжие романы.

Сейчас юность кажется временем солнечным и прекрасным, но тогда всё было иначе. Сколько возникало проблем, непонимания родителей, неутолённой жажды дружбы и любви! Казалось, парк это понимал и любезно предоставлял в распоряжение молодёжи свои тенистые аллеи, уединённые скамейки, головокружительные аттракционы; он был территорией, независимой от всего прочего мира, — мира «лицемерных» и «ничего не понимающих» взрослых.

В то время много всего было переговорено на этот счёт. Роман, как и все его друзья, был абсолютно уверен, что они будут жить по-другому — не так, как нынешние взрослые. Как — этого они не знали, но были уверены, что более честно... весело... человечно, что ли?..

Ах, юности прекрасные мечты... Куда вы исчезаете, когда проходит юность?.. Куда уходят все эти клятвы, порывы, признания, объяснения? Может быть, они где-то хранятся, записанные на жёсткий диск мироздания? Было бы интересно хотя бы на минуту попасть в это облачное хранилище и вспомнить себя самого, но на сорок лет моложе. А что, может быть, когда-нибудь это станет возможным?..

Роман Анатолевич невольно улыбнулся этой мысли: «Видимо, юность всё-таки живёт где-то в глубине нас, раз даже в шестьдесят тебя посещают подобные небылицы!»

Взрослость пришла к нему в свой черёд вместе с армией, работой, семьёй, детьми — и взяла жизнь в свои жёсткие ежовые рукавицы. Как-то само собой так получилось, что он стал таким же благоразумным, скучным и серьёзным, как все остальные взрослые. В первое время думал, что это он так играет, чтобы взрослые принимали его за своего, а в глубине души он всё тот же Ромка — озорной и весёлый, способный на подвиги и безрассудства. Но игра длилась так долго, что постепенно перестала быть игрой, и в какой-то момент он поймал себя на том, что не только ведёт себя, но и мыслит, чувствует, ощущает мир и себя в этом мире как взрослый. Юность закончилась.

Интересно, что этот поворотный момент жизни произошёл вдали от парка. Тогда Роман с женой и маленьким ребёнком переехал в другой конец города, и парк постепенно переместился из реальности в область снов и воспоминаний.

Иногда он просыпался среди ночи с ощущением полного, абсолютного счастья, потому что во сне видел парковую скамейку у пруда, и себя на этой скамейке, и друзей вокруг... Вот они курят, смеются, разговаривают о чём-то. О чём? Проснувшись, вспомнить это

было невозможно, но во сне Роман понимал: разговор был о чём-то важном и даже главным, без чего вся остальная жизнь просто бессмыслица.

Парк появился в его жизни ещё раз лет через двадцать, подарив несколько незабываемых месяцев. Стояли тёплые майские дни. Отцвела черёмуха, зацвела сирень. На клумбах — тюльпаны и гиацинты. Деревья покрылись первой салатовой зеленью, дрозды и скворцы справляли свои птичьи свадьбы. Роман оказался в этом районе случайно и решил прогуляться по парку. Он начинал уже второй круг по центральной кольцевой аллее, когда вдруг увидел её. Наверное, им было суждено встретиться в этот час и в этом месте, потому что они одновременно посмотрели друг на друга и одновременно почувствовали, что это не просто случайная встреча двух незнакомых людей в парке. Наверное, жизнь подвела их друг к другу, бросила посреди парковой аллеи и сказала: «А дальше — сами!»

Она тоже шла по кругу, только он — по часовой стрелке, а она — против. На первом круге они мельком посмотрели друг на друга. На втором — улыбнулись. На третьем шутиливо раскланялись. А на четвёртом он вдруг страшно перепугался, не увидев её идущей навстречу из-за того поворота, откуда она возникала уже трижды. Он ускорил шаг, одновременно обшаривая глазами все ответвления и закоулки аллеи, пока не увидел её сидящей на скамейке под ивой около пруда.

Казалось, она ждёт его. И он подсел, не далеко и не близко, а ровно на такое расстояние, какое было уместно в данном случае. Несколько минут они молчали, глядя на яркое майское небо, перевёрнутое вверх ногами в парковом пруду.

И вдруг она сказала: «Люблю этот парк».

Уже потом, снова и снова вспоминая эту встречу, они находили мистические смыслы и в этом кружении, и в том, что он двигался по часовой стрелке, а она — против, и в том, что первым словом, которое прозвучало в тот день, было слово «люблю».

Любовь захватила их врасплох. Странно, до этой встречи всё было хорошо в личной жизни и у него, и у неё, они не собирались ниче-

го менять, не искали приключений на стороне. Ни он, ни она никогда не изменяли своим половинам, но, увидев друг друга, поняли... нет, точнее, почувствовали каким-то шестым чувством, что им просто необходимо быть вместе.

Она не была красавицей. Если вы видели фильм «Вкус мёда», то представляете себе лицо английской актрисы Риты Ташингем. Не правда ли, его нельзя назвать красивым: слишком большой рот, слишком крупный нос уточкой, неправильные черты лица, но при этом какое-то непередаваемое обаяние, живые весёлые глаза, подвижная мимика. Алина чем-то напоминала Риту Ташингем, сама знала об этом и в общем-то гордилась таким сходством. За внешней неправильностью её черт угадывалась сильная и глубокая натура неординарной женщины.

Они стали встречаться в парке.

День стремительно прибывал. За ярким маем пришло жаркое лето. После работы у них оставалась пара свободных часов до возвращения домой, и эти часы они посвящали друг другу.

Парк принимал в их романе самое живое участие. Он был просто огромен, этот парк, тысячи видов диковинных растений обитали в нём. Бесконечные прямые или кольцевые аллеи разветвлялись на тысячи извилистых тропинок, убегающих в заросли сирени и ивняка, живописные пруды были разбросаны тут и там, а сколько уютных полянок было спрятано за кустами дёрена, кизильника и бузины!

Парк укрывал их от посторонних глаз, растил постель из шелковистой травы и полевых цветов, нашёптывал листвой чудесные сказки о вечной и беззаветной любви. Парк стал их убежищем и эдемом. Только здесь они чувствовали себя счастливыми. Жизнь наполнилась яркими красками, птичьим щебетом и глубоким смыслом. Если бы тогда кто-нибудь спросил их: «В чём смысл жизни?» — они, не задумываясь, ответили бы: «В любви!»

Они читали друг друга, как захватывающую книгу, и на каждой новой странице их ждали потрясающие открытия и новые повороты

сюжета. Было странно и непонятно, как они вообще могли жить друг без друга... В их встрече им чудилось что-то мистическое и судьбоносное, как будто вся предшествующая история человечества только для того и существовала, чтобы логично подвести их к этой встрече.

И тем не менее она была замужем, он — женат. Дома обоих ждали супруги и дети.

Сначала влюблённым казалось, что светлое и прекрасное чувство, которое они переживают, не может помешать их семейным отношениям. Более того, переполнявшей их любовью хотелось делиться и с близкими, но очень скоро Роман первым понял, что это всего лишь самообман.

Он смотрел на свою жену, а видел Алину, и было мучительно больно, почему она не здесь, а где-то там, с другим мужчиной. Особенно непереносимым это чувство становилось по выходным. Раньше Роман очень любил выходные с их милыми домашними заботами, а теперь не мог избавиться от ощущения пустоты, наваливающегося на него субботним утром и не отпускавшего до воскресного вечера. Только в воскресенье вечером он ободрялся, потому что знал: завтра снова встретится с Алиной и полнота жизни вернётся к нему.

«Всё будет хорошо!» — эта фраза стала для них заклинанием, они снова и снова повторяли её, когда жизнь подводила их к мучительному вопросу: «Что дальше?»

«Всё будет хорошо!» — говорили они и забывались в жарких объятиях и долгих поцелуях.

В конце лета оба разъехались в отпуск, и это было самым мучительным временем за всю их жизнь. Ничто не радовало: ни тёплое прозрачное море, ни знойное южное солнце, ни сервис шикарных отелей. В голове свербела одна мысль: «Когда же домой?» «Домой! Домой!» — думали они и ловили себя на том, что «домой» означает для них «в парк».

И парк дождался их, и он снова дарил им свои аллеи, поляны и скамейки, теперь уже с желтеющей листвой, августовскими цветами и травами, без птичьих гимнов на фоне укорачивающегося светового дня.

Если раньше Роман приходил домой зас-

ветло, то теперь вечер успевал накрыть город, когда ещё он ехал в троллейбусе, а дом встречал его электрическим светом, любуясь из окон. Жене всё меньше нравились его бесконечные задержки на работе, дома нарастала напряжённость, выливавшаяся в частые стычки и даже скандалы.

А потом пришла осень с бесконечными дождями. Они продолжали мужественно сопротивляться ей, гуляя по аллеям парка под зонтиками, прячась в уединённых беседках и гротах. В этом тоже была романтика, но дни становились всё короче, всё холоднее, потом пошёл снег, сначала сырой и липкий, тающий под скудными лучами осеннего солнца или смываемый холодными осенними дождями. Но пришли заморозки, а потом и морозы; снег прочно накрыл собой все закоулки парка. В конце концов тот сдался: честно «сообщил» влюблённым, что больше не может служить мизансценой для их романа.

Встречи переключались в город — в уютные кафешки, в приятельские квартиры. Резко увеличился круг посвящённых в секретные отношения. До супругов влюбленных стали доходить сначала невнятные, а потом всё более определённые слухи. Последовали мучительные домашние сцены. Обе семьи оказались на грани распада.

И вот тогда перед влюблёнными со всей очевидностью встал вопрос, от которого они долго пытались укрыться: «Что же дальше?» Они оказались перед реальным и недвусмысленным выбором — выбором, от которого нельзя отмахнуться волшебной фразой: «Всё будет хорошо!»

Между тем прошли зима, потом и ранняя весна. В один из погожих майских деньков Роман и Алина снова оказались на той самой парковой скамейке над прудом под ивами — скамейке, с которой всё началось.

Сюжет жизненной драмы выбрал для себя кольцевую композицию. Они вновь сидели бок о бок, но теперь перед ними открывалась не волшебная дорога в небеса, а путь скорби и отчаяния.

Парк пытался утешить их: цвёл сиренью и одуванчиками, щебетал и свистел птичьими свадьбами, изо всех сил размахивал свежей,

девственно зелёной листвой, отражал в своём пруду синее безоблачное небо. Но ничто из этих уловок не могло развеять тяжёлые мысли всё ещё любящих друг друга, но уже мысленно расставшихся людей.

Они долго сидели на скамейке, о чём-то тихо разговаривая, иногда она плакала, иногда он повышал голос, часто и лихорадочно курил. А потом двое поднялись и двинулись друг от друга расходящимися маршрутами по центральной парковой аллее. И не оглянулись. А парк остался.

С тех пор прошла целая жизнь. Дети выросли и разлетелись. Роман постарел. Жена тоже. Тот сумасшедший роман иногда снился ему по ночам, и он просыпался с чувством невыразимого счастья, но сон быстро улетучивался, снова наползали привычные серые будни с их бесконечными заботами, болезнями и приближающимся финалом...

...Свежее осеннее утро. Ветер качает ветки деревьев, обрывая с них жёлтые листья. Временами накрапывает, но сильного дождя нет, поэтому можно спокойно гулять.

По липовой аллее идёт пожилая дама в лёгком демисезонном пальто. Она идёт прогулочным шагом, стараясь не наступать в лужи и почти не глядя по сторонам. Её взгляд обращён внутрь себя.

Они оба слишком пристально смотрят внутрь себя. Они проходят мимо и не узнают друг друга. Да и как тут узнать, когда прошло столько лет, а они с тех пор ни разу не виделись?..

Но парк узнаёт их. Он приветливо машет им своими ветками, осыпает ворохами золотых кленовых листьев и долго смотрит вслед, когда они покидают его через противоположные выходы.

День без людей

Это странное воспоминание детства...

Мы жили тогда в Ульяновске в маленьком домике с резными наличниками и таким же резным мезонином. Перед домом буйно цвела сирень, а чуть дальше, через дорогу, начинался крутой волжский откос, покрытый садами. Внизу, за садами, раскинулась просторная могучая Волга, несущая на себе баржи, теплоходы, плоты, рыбацьи лодки, военные катера. На другом берегу виднелись дамба, постройки домов, трубы, сосновые леса и песчаные отмели... На ту сторону тянулся длинный мост из арочных металлических конструкций на массивных бетонных быках, по которому бегали туда-сюда автомобили, тянулись бесконечные товарные и пассажирские поезда. Ночью на мосту зажигались огни, и они отражались в волжской воде, если была хорошая погода.

Школа, в которой я учился уже почти целый год, находилась примерно в километре — можно было ходить пешком. Первые полгода меня водили родители, но уже с марта я добирался самостоятельно. Шёл, никуда не сворачивая, вдоль крутого волжского обрыва, мимо частных деревянных домов, мимо огороженных заборами строительных площадок, где с утра до ночи кипела работа: ворочались краны, искрила электросварка, что-то гремело, клацало, брэнчало, громко перекрикивались между собой строители — город торопился сдать величественный архитектурный ансамбль, посвящённый столетию Владимира Ильича Ленина.

К середине апреля все заборы были сняты, и глазам горожан предстали новенькие, блестящие стеклом и мрамором дворцы Ленинского мемориала, гостиницы «Венец» и нового корпуса пединститута.

Путь в школу стал ещё интереснее: теперь он пролегал мимо новых зданий, обсаженных сотнями экзотических растений, а вокруг всегда множество людей, спешащих на работу, учёбу или на экскурсию, или просто глазею-

щих на небывалые постройки современной архитектуры.

Солнечным майским утром мама разбудила меня, как обычно, в половине восьмого. Времени как раз хватало, чтобы умыться, одеться, позавтракать и ровно в восемь выйти на улицу. Дальше около получаса спокойным ходом — и я в школе как раз к началу занятий. Всё было выверено и рассчитано до минуты.

Вот и в этот раз ровно в восемь я был уже на улице и медленно побрёл в сторону школы. Я шёл мимо цветущей сирени и одуванчиков, мимо молчаливых, ещё не проснувшихся домов, мимо сверкающей в лучах утреннего солнца Волги, мимо цветущих по склону садов. Было хорошо и покойно, ноги сами несли меня знакомым маршрутом, а в голове крутились ещё обрывки ночных сновидений.

Но чем дальше я шёл, тем больше меня охватывала какая-то смутная тревога. Сначала я не мог понять её причину, вроде всё как всегда: знакомые деревянные дома с резными наличниками, знакомые изгибы волжского косогора, детская площадка, которую я за три года излазил вдоль и поперёк, кусты акации, в которых я любил прятаться во время игры «в войну»... И что-то всё-таки не так. Но что?..

И тут до меня дошло: люди! Где люди? Обычно в это время со мной в сторону центра двигалось много людей: ребята и девчонки из нашей школы, студенты, чужак в очках из соседнего дома с тубусом под мышкой. Мамочки с колясками и карапузами в них, наоборот, двигались навстречу, поскольку ясли-сад в противоположной стороне. Открывались и закрывались двери домов, изредка проезжала какая-нибудь «Волга» или «Победа», по реке сновали юркие катера и гордо шли фарватером многопалубные теплоходы. А теперь — никого! Безлюдная улица, молчаливые дома, пустая Волга!

С нарастающим чувством тревоги я дошёл до комплекса мемориальных зданий — и здесь та же история: сверкает под майскими утренними лучами белоснежный куб Ленинского мемориала, синими панелями отсвечивает гостиница «Венец», солнце искрится в гигантских окнах пединститута — и нигде ни одной живой души! Не гремят трамваи на проходящей неподалёку трамвайной линии, не та-

рахтят экскурсионные автобусы на стоянке возле мемориального центра. Тишина!

Я осторожно подхожу к зданию школы. Чувство нереальности происходящего усиливается, и я уже боюсь, что школа может исчезнуть от одного моего неловкого движения. Но — ничего! Школа стоит крепко. Потянул дверь — дверь не заперта. Через маленький тесный предбанничек вошёл в просторный холл, из которого вверх бежала старинная чугунная лестница, а под лестницей всегда сидела добрая баба Маша, приветливо улыбающаяся шумной детворе. Но сейчас ни бабы Маши, ни детворы — никого!

Я поднялся по гулким ступеням, по узкому гимназическому коридору дошёл до своего класса, повторил эксперимент с дверью. И здесь она оказалась не заперта. Я вошёл в класс. Через высокие ячеистые окна лился яркий свет майского утра, он лежал золотыми пятнами на партах, на стенах, на учительском столе, на старой голландской печи, оставшейся здесь с девятнадцатого века. Класс поражал невиданной пустотой!

Я прошёл к своему месту, снял ранец и повесил его на крючок сбоку у парты. Сел. Ещё раз обвёл глазами класс — и... разрыдался. Разрыдался громко, по-детски, когда всхлипы душат и невозможно вдохнуть.

Я решил, что все люди погибли!.. Что ночью случилось что-то страшное... например, атомная война, о которой тогда так много говорили... и радиация от атомного взрыва дошла до Ульяновска... и все умерли... Умерли — все! По непонятной причине остались только я и мама. Может быть, наш дом оказался каким-то образом защищён от радиации?..

Мне стало вдруг ужасно жалко всех: и свою учительницу, и одноклассников, даже самых отчаянных драчунов и злоязыких девчонок, которых я совсем не любил и даже побаивался — даже им я готов был простить все обиды, лишь бы и они каким-то чудом выжили. Наверное, с тех пор я никогда так не любил человечества и не чувствовал с ним такую неразрывную мистическую связь...

Я рыдал и рыдал... и не мог остановиться. Слезы душили меня, лёгкие разрывались от судорожных попыток вдохнуть воздух.

И вдруг дверь класса распахнулась, вошла баба Маша.

Если бы вы знали, как я обрадовался ещё одному выжившему человеку! Так я радовался, наверное, только маме, когда она, возвращаясь с работы, появлялась в конце переулочка. В такие минуты любовь переполняла меня, и я мчался навстречу ей со всех ног, не чувствуя веса собственного тела, со всего размаха врзался в неё, охватывая полные бёдра и прижимался к тёплому животу. Сейчас нечто подобное я совершил по отношению к бабе Маше; это получилось так судорожно и стремительно, что баба Маша чуть не упала, но смогла удержаться на ногах, привалившись к стене, а потом обняла меня за плечи и тесно прижала к себе.

— Чего ревёшь, пострел? — добрым деревенским говорком обратилась ко мне баба Маша. — Случилось что?

Сквозь всё ещё душасшие меня всхлипы я с трудом спросил:

— Баба Маша, а где все?

— Да где ж им быть в такую рань? По домам сидят, чай пьют, в школу собираются, это ты чуть свет появился. Не спишься, что ли?

— Баб Маш, а сколько времени?

— Два часа ещё до уроков! И как это ты мимо меня прошмыгнул, что я не заметила?..

Так всё счастливо разрешилось. Я, конечно, нашёл, чем занять себя до прихода одноклассников, тем более что некоторые начинали подходить уже за час до уроков. И мама потом долго смеялась, вспоминая, как она случайно поставила часы на два часа вперёд, но этот день навсегда остался в моей памяти. День, когда все люди внезапно и необъяснимо умерли.

Время вечности

Удивительная вещь — время! Оно бесконечно и мгновенно — одновременно. Оно может растягиваться и прессоваться, мчаться и стоять на месте.

В детстве оно ползёт улиткой. Просыпаешься утром. Видишь кружевную тень дерева на ковре. Листья едва колышутся от лёгкого

майского ветерка. Их очертания сливаются с узором ковра. Долго разглядываешь их. Вдруг они исчезают — это набежала маленькая тучка. Остаётся только геометрический узор ковра, изученный до мельчайшей линии и завитка. Привычно скользишь взглядом по лабиринту узора, и тут снова включается подсветка — это солнце выглянуло из-за тучки, и опять поверх узора проступают очертания листьев: она живёт, колышется. Протягиваешь правую руку потрогать трепещущий листок, но он с ковра перескакивает на твою кисть, накрываешь его сверху ладонью левой руки — он и тут выскальзывает, снова оказывается сверху — на твоей коже. Пока так играешь с тенью листьев, проходит несколько веков, а точнее, вообще ничего не проходит — время просто застывает на месте и никуда не движется.

Входит мама, садится на кровать, ерошит волосы на макушке, прижимается к тебе своим мягким тёплым телом, говорит бодро и весело:

— Подъём! Кончай ночевать!

Ты улыбаешься в ковёр, но не спешишь разворачиваться, чтобы не выдать, что ты уже не спишь. Но мама продолжает ерошить волосы и тормозить, и ты в конце концов разворачиваешься, делая притворно недовольное лицо, и видишь маму — молодую и вечную, ты знаешь её уже миллион лет — и за это время она совсем не изменилась. Ты изменился — это да, а вот она всё такая же красивая, весёлая и молодая.

И комната всё такая же: письменный стол с настольной лампой, стул у стола, книжный шкаф, коробка для игрушек в углу, коврик на полу. В ней тоже ничего не меняется веками, конечно, время от времени появляются новые книжки и новые игрушки, а старые куда-то исчезают, но эта ротация происходит так плавно и незаметно, что почти не отражается на облике комнаты.

Ты умываешься, чистишь зубы, завтракаешь, надеваешь школьный костюм, взваливаешь на плечи ранец и идёшь в школу.

Двор знаком тебе каждым своим уголком, каждой трещинкой на асфальте. Идёшь в сторону школы и думаешь: «Кончается второй класс, а впереди ещё третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый! Как это долго! Неужели я когда-нибудь стану таким

же огромным, сильным и уверенным в себе, как эти десятиклассники? Скорее бы! Как медленно тянется время!»

Разрывы в плавно текущем, почти стоящем времени замечаешь, только вернувшись домой из летнего лагеря: квартирка вдруг начинает казаться тебе тесной, потолки — низкими, мама — уменьшившейся в размерах. Но этот оптический эффект продолжается буквально один день, а проснувшись на следующее утро, снова погружаешься в вечное настоящее.

Всё меняется в юности. Время уплотняется, становится насыщенным и почти осязаемым. Его всё время катастрофически не хватает. Так много всего нужно успеть за такой короткий день! Сходить на тренировку, порепетировать в молодёжном театре, поиграть в баскетбол с друзьями, посмотреть новый фильм, дочитать «Мастера и Маргариту», обсудить с другом устройство будущего мира... Да всё это после занятий, а в сутках всего двадцать четыре часа. Когда всё успеть?..

Или, например, идёшь рядом с любимой девушкой по вечернему городу, держишь её за руку, вы говорите о чём-то, о чём — потом и не вспомнишь, но о чём-то очень важном! Звёзды зажигаются в потемневшем небе, становится прохладно, и ты укрываешь её хрупкие плечи своим пиджаком. Потом вы садитесь на скамейку в каком-то тихом дворе и сидите там, тесно прижавшись друг к другу. Кажется, вы только-только сели, но девушка смотрит на часы и говорит:

— Ой, время уже половина первого ночи! Проводи меня, пожалуйста, домой, а то родители будут сильно переживать.

И ты думаешь: «Как половина первого ночи? Мы же только что сели. Я точно помню, что было десять часов вечера. Куда делись эти два с половиной часа?»

Да, время юности неудержимо летит вперёд. Но хотя дни пролетают, как скоростные электрички, оглянувшись на промелькнувшую неделю, ты ощущаешь, что прожил не семь дней, а целую вечность. Да и впереди остаётся ещё целая вечность, заполненная событиями, людьми, делами!

Так всё детство и юность мы пребываем в веч-

ности. В детстве — в вечном настоящем, в юности — в вечном будущем.

Зрелость — это прощание с вечностью. Ты вдруг не абстрактно, а по-настоящему понимаешь, что смертен, на самом деле смертен, и каждый прожитый год приближает тебя к неизбежному финалу. Ты замечаешь, как постарели родители и твои школьные учителя, ты неприятно поражаешься тому, как изменились одноклассники, съехавшиеся на вечер встречи выпускников. Ты начинаешь узнавать себя в своих детях, а своих родителей — в себе. Дни однообразны, но стремительны. Работа — дом — работа — дом — работа — катится неторопливое колесо времени, но не успел оглянуться — вот уже и месяц прошёл, и год, и десять лет, и четверть века, вот уже и дети выросли, и старость не за горами.

Пытаешься как-то придержать это колесо, ухватиться за его обод или спицу. В мечтательном взгляде чужой женщины вдруг мелькнёт тебе смутная надежда, и ты хватаешься за этот взгляд, как за соломинку утопающий, и на какой-то миг тебе кажется, что время побеждено.

Вы сидите рядом на холодной скамейке, смотрите на бегущие мимо воды осенней реки. Ты держишь в руках её прохладные пальцы. Стоит чудесная золотая осень, листья сыплются с клёнов, шурша о чём-то своём, лазуритовое небо расписано иероглифами перистых обла-

ков. Время застыло. Оно не движется. Проходят целые тысячелетия, а вы всё сидите на всё той же скамейке и смотрите на тихие воды проплывающей мимо реки.

Увы! Победа над временем оказывается мнимой. Реальность вырывает вас из небытия и снова бросает в сутолоку метро, в непрерывный стресс офиса, в повседневные домашние заботы.

Но по мере того как приближается старость и усыхает шагреневая кожа твоей жизни, ты вдруг начинаешь замечать, что вечность никуда не уходила. Она всегда была рядом с тобой, хоть ты и не замечал её за ежедневной рутинной.

Она — в прохладе осеннего утра, в восходах и закатах, в укрывании роз на зиму, в долгих осенних вечерах с женой у телевизора, когда ветер шумит в верхушках деревьев и вдалеке лают обеспокоенные чем-то собаки.

Вечность вокруг. Она смотрит на тебя миллионами звёзд на небе, глазами детей и внуков, напоминает о себе колокольным звоном сельской церквушки, далеко разносящемся в холодном прозрачном воздухе. И там, в этой вечности, живёт и твоё детство, и юность, и зрелость, там навсегда остаются все те, кого ты любил в этой жизни. Нужно только научиться видеть.

□

Андрей Александрович БАРАНОВ

родился в 1962 году в Виннице.

*Окончил Ульяновский педагогический институт
и аспирантуру РПГУ имени А. Герцена.*

Пишет стихи, прозу.

Автор четырёх книг.

*Печатался в сборниках, альманахах,
а также в журналах «Дальний Восток», «Бельские просторы»,
«Нева», «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер» и других.*

Постоянный автор ряда интернет-изданий.

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

